

С. А. Никольский

.....

## Современная Россия: этап национального государства

Анализ проблем управления в государстве и обществе современной России, а тем более формулирование стоящих перед ними задач требует понимания, на какой стадии развития государство и общество находятся, какие ступени были предыдущими, какие видятся следующими. Практическая полезность такого понимания очевидна, в особенности, если учесть традиционную отечественную любовь к историческому мифотворчеству, о котором верна сентенция: «На Западе забывают то, что было. На Востоке вспоминают то, чего не было».

У современных политиков, однако, стремления публично обозначать вектор развития не заметно. Власть «безмолвствует»<sup>1</sup>. И это, надо признать, для нее, власти, ситуация наилучшая. Но наихудшая для общества. Осознание этого положения, коль скоро оно у граждан наступит, подтолкнет к выбору: либо как и прежде, согласиться с игрой «в темную», либо порядок вещей изменить.

---

<sup>1</sup> Долгое время наблюдавший российскую власть Глеб Павловский, при том, что собственная его идейная эволюция у меня симпатии не вызывает, тем не менее может выступить свидетелем того, что именно он видел вблизи: «...Факт — у тандема нет политической программы. Он не выработал таковую за все три года, пока политики, казалось, работали в тесном союзе. Почему тандем не объявлял *общую* политическую программу союзников Путина и Медведева? Потому что он вам намекает: его *политическая* программа и не будет ясна. Будущий образ власти зависит от ее решения, а решение будет связано с нашим хорошим поведением. Но если поведение будет нехорошо, то и программа, боюсь, нам не понравится. Путин так и сказал задумчиво: «*Поглядим, как это будет работать*». А что — это?..»

...Запугивание двуликостью сулит угрозу — стране намекают, что она не заслуживает определенности». Павловский Г. Гениальная власть! М., 2012. С. 66–67.

\* \* \*

В связи с необходимостью понимания траектории развития возникает вопрос: как вообще входит в жизнь нечто новое? Как оно формируется в сознании и материализуется в практике, будучи ответом на осознанный вызов «так дальше жить нельзя»?

Новое — всегда акт творения. Оно может быть сотворено отдельной личностью. Таким в Германии начала XVI века был поступок инициатора Реформации Мартина Лютера, выступившего за освобождение христианина от корыстной власти Римской церкви. Таким в X веке было решение о крещении Руси, принятое князем Владимиром. Вещами одного порядка их делает преодоление существующих границ, их «переступление», то есть преступление по отношению к наличествующему положению вещей.

Создать новое может и коллективный индивид, который, например, воплощает в жизнь определенную теорию, переносит на свою почву нечто, изобретенное в другом сообществе, в другой стране. В этом случае в дело практического укоренения нового может включиться и государство. Обратимся к истории России после октября 1917 года. Марксизм как теоретическая конструкция был взят за основу, опираясь на которую партия большевиков и перестроенное под новые цели государство преобразовали российское общество.

И хотя сделано это было, мягко говоря, зачастую без учета особенностей нашей почвы, а в некоторых отношениях, напротив, органично восприняв худшие ее свойства, но факт очевиден: новое было имплантировано в общественное целое и коренным образом трансформировало его.

Говорить о траектории политического и социально-экономического развития России в последнее десятилетие как о чем-то однозначно-определенном нельзя. Даже если прибегнуть к жесткому критерию «по делам их узнаете их». Отрицательный вердикт — «все плохо», равно как и противоположный — «все хорошо», заведомо не верны. Однако если в наличном «миксе» выделить то, что с либеральных позиций можно было бы отметить знаком «плюс», то насколько отчетливо прослеживается перспектива дальнейшего развития этой либеральной составляющей? Какие либеральные ориентиры не на словах, а на деле определяет для себя власть и определяет ли вообще?

На первый взгляд с уверенностью можно сказать, что в некоторых отношениях они есть и существенно отличаются от ориентиров советского периода. Однако утверждать, что задаются они как сознательно выбранный

политический принцип, а не как уступка давлению либеральных сил ради сохранения шаткого общественного согласия, вряд ли возможно.

По поводу либеральных целей и ориентиров можно возразить, что у современной России есть во многих отношениях либеральная Конституция, есть провозглашаемые программы, есть, наконец, не чуждые либерализма ежегодные послания президентов страны. Впрочем, верно и то, что реальные дела часто далеки от документов и заявлений.

Высказывается мнение, что причина этого прискорбного в своей противоречивости факта состоит в том, что властные социальные группы, приспособившие государство для обслуживания своих интересов, нацелены в противоположную от либерализма сторону. И если это так, то бессмысленно искать разгадку, почему нет попыток адекватного понимания положения государства и общества и не ставятся задачи либерального развития. Само собой, и вопрос о чем-то «новом» для современной России и, тем более, о субъекте, которому «новое» предстоит воплощать в жизнь, излишни. Более того: если такая личность или коллектив возникнут, то они столкнутся как со сложностями выживания в антилиберальной общественной среде, так и с проблемой сосуществования с властью, легитимность которой признана антилиберальным большинством и чьи интересы противоположны интересам либеральной части общества. Между тем, по поводу того, как существующая власть отнесется к появлению нового субъекта либерального развития, иллюзий быть не должно. В известном смысле ответ уже был дан: «Расслабьтесь, мы — надолго».

\* \* \*

Прежде чем поставить вопрос о возможном коллективном субъекте, которому (гипотетически) предстоит внести «новое» в развитие государства и общества, то есть о становление государственности нового типа, следует сказать о содержании этого «нового». Очевидно, что это должны быть либеральные преобразования, твердо и последовательно вытесняющие господствующий в политической практике и общественном сознании лукаво-корыстный «микс»<sup>2</sup>.

---

<sup>2</sup> Не имея возможности специально обсуждать тему «либеральных преобразований», в частности, — должна ли в российских условиях иметь место «либеральная диктатура» (термин, который употреблял Ф. Хайек применительно к диктатуре А. Пиночета) или можно рассчитывать на «нелиберальную демократию» (опять же, термин Хайека о режиме

Начну с определений. В понимании государства я буду исходить из того, что оно представляет собой особо сложную структуру, которой суверен власти — народ — передает исключительное право властвовать. Государство есть совокупность институтов и инструментов, созданных для работы на общее благо. В историческом процессе под давлением общества и в результате собственных усилий их совершенство и могущество непрерывно возрастает. Начиная с эпохи капитализма, первого в истории рационального социально-экономического строя, эти институты и инструменты действуют в рамках всесторонне разработанной и непрерывно совершенствуемой системы права. Такое понимание власти (государства) близко к тому, которое, при множестве уточнений, дает Бертран де Жувенель. Принципиально важно отметить, что «власть имеет законный характер только благодаря своему соответствию тому, что люди расценивают как законную форму Власти; она имеет благотворный характер только благодаря соответствию своих целей тому, что, по мнению людей, является благом»<sup>3</sup>. В демократическом государстве законодательная власть, воспринимая импульсы, идущие от суверена, облакает их в правовую (законодательно-нормативную) форму, которая служит не подлежащей какому-либо искривлению направляющей рамкой для деятельности исполнительной власти. При этом возвышающаяся над этой конструкцией независимая судебная система призвана обеспечивать неукоснительное соблюдение законов. У Владимира Соловьева, наследие которого было и продолжает оставаться одним из авторитетных источников для разумного развития общества, есть поразительно точное высказывание на этот счет. «Задача права — вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он *до времени* не превратился в ад»<sup>4</sup>. Свобода как высшая ценность и базовая основа, которой от рождения наделен каждый, регулируется разными общественными инструментами — религией, моралью, политикой, этническим обычаем. Однако последним аргументом, к которому живущий в демократическом обществе человек имеет возможность обратиться, является все же регулирование правовое.

Обозначенные теоретические ориентиры показывают, что пришедшим на смену феодализму и самодержавию, демократическим обществом

---

С. Альенде), ограничусь указанием на необходимость дальнейшей проработки этой принципиально важной темы.

<sup>3</sup> Жувенель Бертран де. Власть. Естественная история ее возрастания. М., 2010. С. 51.

<sup>4</sup> Соловьев В. С. Соч. в 2-х томах. Т. 1. М., 1988. С. 454.

следует считать не просто «продвинутое» в производственно-технологическом или потребительском отношении. Это общество представляет собой нацию — политическое и культурное сообщество граждан, создавших себе государство — умного, расторопного и контролируемого слугу, которому на определенных условиях, в определенное время и в строго очерченных пределах предоставлены права властвования, права господина.

В тесной связи с таким пониманием государства находится термин нация. Иногда, в русле советской традиции, о нации говорят в смысле этнонациональной принадлежности, вкладывая в нее узкое содержание этничности, чем вносят путаницу. Поэтому в предлагаемой трактовке я исхожу из разведения этих понятий и этносом обозначаю сообщество людей, члены которого имеют общее наименование, язык, общие элементы культуры, обладают общей исторической памятью, могут ассоциировать себя с географической территорией, демонстрировать чувство групповой солидарности, равно как и сходные поведенческие стереотипы<sup>5</sup>. В отличие от нации — политического гражданского образования, этнос, как полагал Л. Н. Гумилев, — это биосоциальный организм, в котором наличествует сильное «племенное» сознание с его коренным делением «мы — они».

Не затрагивая вопрос о возникновении государства как такового, начну со времени, непосредственно предшествовавшего рождению национальных государств. Истории известны два способа их появления на свет: европейский и американский. Первый представлял собой большую работу по переформатированию содержания и многообразных связей между элементами, из которых на протяжении веков были устроены европейские общества — династические политические образования. Новые смыслы и ценности, которые декларировалось в пылу революционной борьбы, должны были войти в плоть и кровь каждого европейца, стать нормами повседневной жизни. А это, естественно, требовало обуздания или даже замены старой «плоти и крови», установления нового каждодневного порядка вещей. Это был длительный и трудный путь. Но кроме непосредственных результатов, он дал европейцам вещь, возможно, значительно

---

<sup>5</sup> Вместе с тем, должен отметить, что проблема «нация — этнос» требует специальной проработки. Так, в частности, нельзя оставить без внимания аргументы, приводимые М. Б. Ходорковским в статье «Между империей и национальным государством». («Новая газета». 15 июня 2012 года). Однако, в то время как в качестве предмета исследования М. Б. Ходорковский обращается к современной российской ситуации, в которой и в самом деле сложно переплетены этничность и становящаяся гражданской нация, я говорю об этих феноменах в связи с европейской историей, представленной в «логически очищенном» виде.

более ценную: опыт осознанного пересоздания человека и общества, который к концу XX столетия помог изжить много страшных недугов — колониализм, тоталитаризм, национализм как рудимент племенного сознания и т. д. Американский путь становления национального государства, хотя и кажется на первый взгляд более простым — народам не пришлось выдвигать имперскость из себя — на деле также был по-своему сложным и позволил обрести ценную прививку против диктатуры.

Но вернемся к Европе. Так, согласно Мартину ван Кревельду<sup>6</sup>, в конце XV в. в народном сознании в Германии и в Италии (а эти объединения в то время включали в себя многие впоследствии независимые европейские государства) была жива унаследованная от Рима и Византии идея империи как «универсальной организации». В императоре видели не только защитника этносов от внешних врагов, но и объединителя христианского мира. Император останавливал княжеские военные разборки и обуздывал церковную коррупцию. Важно отметить, что в Европе, в отличие от России, общей универсальной основой для разнообразного спектра государственных и общественных задач было договорное начало. При этом фактор этнической принадлежности если и имел значение, то далеко не первостепенное.

К началу XVII в. развитие хозяйственно-экономической жизни и связанной с ней специализации, совершенствование общественно-политического устройства и прогресс личности обозначили тенденцию к слому монархических государств: усложнившийся социум перерос их рамки. При этом сам процесс перестройки стал возможен с появлением нового субъекта социального действия — буржуазии<sup>7</sup>, которая свои усилия направила на борьбу против монархии и папства — основных сил, сконцентрировавших власть в своих руках. Их вытеснение шло в русле Реформации и утверждения республиканских форм правления. К тому же и Вестфальский

---

<sup>6</sup> См.: Кревельд Мартин ван. Расцвет и упадок государства. М., 2006.

<sup>7</sup> Конечно, само понятие «буржуазии» как субъекта становления капитализма требует дополнительной проработки. Одно дело — буржуазия как «третье сословие» — торговцы, ремесленники и мелкие «банкиры»-ростовщики, которые могут быть отнесены не столько к ранним стадиям становления капитализма, сколько к финалу (высшей точке) феодализма. И другое — буржуазия как капиталистический предприниматель, организатор производства, дающий и берущий кредиты, нанимающий рабочую силу, ведущий масштабные торговые операции, к тому же — вполне веберовский тип, проникнутый началами протестантской этики. Думаю, в реальной истории имело место наложение процессов друг на друга.

мир, заключенный европейскими державами в 1648 году после Тридцатилетней войны, способствовал возникновению на месте прежних империй конгломерата национальных государств. Базовыми принципами Вестфальских соглашений, способствовавшими укреплению новых государств, стали следующие: всякое государство суверенно и не терпит вмешательства в его дела со стороны других государств; в отношении своих подданных и граждан государство реализует абсолютную и постоянную власть — суверенитет; у суверенного государства есть право на ведение войн, в том числе — агрессивно-наступательных против других государств и умирительных против своих граждан; в международном праве постулируется право сильного. С этого времени никакое государство Европы не считало себя вправе вмешиваться во внутренние дела своих соседей.

Британский историк Эрик Хобсбаум детально проработал этот вопрос и показал, что английская промышленная революция, создавшая буржуа как нового субъекта истории, и французская революция, давшая миру новую систему идей, в концентрированном виде вошедших в «Декларацию прав человека и гражданина», ознаменовали начало очередного этапа жизни европейского человечества в форме национального государства<sup>8</sup>.

Вторым путем возникновения национального государства был путь США и Канады. Приехавшие из Старого Света европейцы изначально строили государство на правовом фундаменте и Конституции, провозгласившей в качестве основного субъекта их государств, как и в Европе, свободного предпринимателя с именами «американца» и «канадца», а республику в качестве формы правления. У населения колоний не было общей истории. Вместо нее их скрепило настоящее — освоение новых

---

<sup>8</sup> Из семнадцати статей принятой 26 августа 1789 года Учредительным собранием Франции Декларации напомним о содержании нескольких, имеющих непосредственное отношение к теме либерализма: «Статья 1. Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах... Статья 2. Цель всякого политического союза — обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Таковые — свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению. Статья 3. Источником суверенной власти является нация. Никакие учреждения, ни один индивид не могут обладать властью, которая не исходит явно от нации... Статья 17. Так как собственность есть право неприкосновенное и священное, никто не может быть лишен ее иначе, как в случае установленной законом явной общественной необходимости и при условии справедливого и предварительного возмещения». См: <http://larevolution.ru>. К тому же Франция, если посмотреть на событие революции в логике данной статьи, выступила в качестве коллективного субъекта создания «нового». Она «создала словарь и дала примеры либеральной и радикально-демократической политики для всего мира». См.: Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789–1848. Ростов н/Д., 1999. С. 80–81.

территорий в конфликтах с коренным населением и освобождение от власти метрополий. Свою лепту в формирование массового общественного сознания субъектов этих государств внесли войны за отмену рабства. То есть, общая основа создаваемого национального государства была скреплена кровью.

Суммируя опыт обоих путей формирования национального государства, отмечу четкий инвариант: их субъектом был коллективный свободный предприниматель (буржуа), а фундаментальной основой право и система политических капиталистических ценностей.

Что же, при всех претензиях на уникальность и особость, демонстрирует в этом отношении Россия?

\* \* \*

Российская империя отличалась от иных тем, что, во-первых, как и прочие континентальные образования не имела четкого деления на метрополию и колонии, а, во-вторых, «ассимилировала» присоединяемые к русскому этносу народы так, что без нужды не перестраивала их хозяйственно-экономический строй и социальную иерархию, не разрушала религиозные верования и стереотипы поведения. Правда, отечественный философ Иван Ильин в своей благостной оценке идет еще дальше, выделяя в качестве определяющей характеристики российской колонизации то, что проводилась она, якобы, имея целью дать всем присоединяемым народам новое «дыхание и великую Родину». Неплохая метафора. Но ею не снимается вопрос: в чем секрет не просто прагматически-терпимой, а прямо-таки «альтруистичной» имперской политики русских царей, в корне отличной от политик иных колонизаторов? Определяется ли она (если продолжать фантазию далее), склонной к «всемирной отзывчивости» (Ф. М. Достоевский) русской душой или и вовсе, как утверждают сегодняшние империалисты, особым генотипом?

По поводу идеи автора «Преступления и наказания» о «всемирной отзывчивости» русских Владимир Соловьев замечал: «Если мы согласны с Достоевским, что истинная сущность русского национального духа, его великое достоинство и преимущество состоит в том, что он может внутренне понимать все чужие элементы, любить их, перевоплощаться в них, если мы признаем русский народ вместе с Достоевским способным и призванным осуществить в братском союзе с прочими народами идеал всечеловечества — то мы уже никак не можем сочувствовать выходкам того же

Достоевского против «жидов», поляков, французов, немцев, против всей Европы, против всех чужих исповеданий»<sup>9</sup>. Что же до утверждения Ильина, то по его логике выходит, что Льва Толстого и Салтыкова-Щедрина, беспощадно живописавших варварскую колониционную политику империи, следует признать «клеветниками» России, а о двухсотлетней «черте оседлости» для еврейского народа или многовековом угнетении и естественной ответной ненависти оккупированных поляков и вовсе забыть.

Конечно, констатирует Георгий Федотов, параллельный немецкому русский *Drang nach Osten* оставил меньше кровавых следов. Но это, по мнению мыслителя, определялось не имперским человеколюбием, а редкой населенностью и более низким культурным уровнем «восточных финнов» и сибирских инородцев в сравнении с западными славянами. «И однако — как упорно и жестоко боролись хотя бы вогулы в XV веке с русскими “колонизаторами”, а после них казанские инородцы и башкиры. Их восстания мы видим при каждом потрясении русской государственности — в Смутное время, при Петре, при Пугачеве. ... Мы любим Кавказ, но смотрим на его покорение сквозь романтические поэмы Пушкина и Лермонтова. Но даже Пушкин обронил жестокое слово о Цицианове, который “губил, ничтожил племена”. Мы заучили с детства о мирном присоединении Грузии, но мало кто знает, каким вероломством и каким унижением для Грузии Россия отплатила за ее добровольное присоединение. Мало кто знает и то, что после сдачи Шамиля до полумиллиона черкесов эмигрировало в Турцию. Это все дела недавних дней. Кавказ никогда не был замирен окончательно. То же следует помнить и о Туркестане. Покоренный с чрезвычайной жестокостью, он восставал в годы первой войны, восставал и при большевиках. До революции русское культурное влияние вообще было слабо в Средней Азии. После революции оно было такого рода, что могло сделать русское имя ненавистным»<sup>10</sup>.

Для понимания особенности попыток создания национального государства в России нужно отметить, что базовой основой русского имперского государства, в отличие от Европы, США и Канады, было вовсе не право, а приверженность православию. Что же до механизмов реализации подданства, то они не выходили за пределы фискально-ресурсных

<sup>9</sup> Соловьев В. С. Русский национальный идеал // Соловьев В. С. Сочинения в 2-х томах. М. 1989. Т. 2. С. 290.

<sup>10</sup> Федотов Г. П. Судьба империй // Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. 2. Санкт-Петербург, 1992. С. 318.

интересов метрополии. Субъект национального государства — предприниматель-буржуа — во второй половине XIX столетия в стране только зарождался, что и определило запаздывание процесса правового реформирования общественной и государственной жизни. Он начался с реформ Александра II и — второй волной — после появления Высочайшего Манифеста Николая II «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 года, который открыл дорогу Конституции, политической жизни, институту парламентаризма.

Российская империя «не дотягивала» до уровня империй европейских. В ней отсутствовали развитые экономические отношения, основанные на частной собственности, эффективная правовая система<sup>11</sup> и, тем более, соответствующие им стереотипы поведения и формы сознания граждан. У нее не было традиционной для западных империй систематической цивилизаторской работы — будь то христианизация или переустройство хозяйственной и общественной жизни на правовых началах. Все разноуровневые по своему развитию социальные общности от момента вхождения в империю в дальнейшем пребывали в ней в том же состоянии, а если и эволюционировали, то с серьезными задержками и как отклик на интересы метрополии. Наша империя, хотя и не препятствовала проникновению в тело титульной нации части знатных инородцев, в целом была равнодушна к присоединяемому населению, в первую очередь заботясь о выгодах военно-стратегического характера и о приращении территории со скрытыми в ней богатствами. Вообще, как верно отмечал Е. Т. Гайдар, «в аграрных государствах, которые далеко не всегда были этнически гомогенными, национальная разнородность обычно не имела принципиального значения. Главным было разделение на привилегированное меньшинство, специализирующееся на насилии, государственном управлении и религии, и крестьянское большинство»<sup>12</sup>.

Эксплуататорское отношение самодержавного государства ко многим нерусским народам до октября 1917 года было под маркой «дружбы народов» продолжено в советский период. По крайней мере до той поры, пока

---

<sup>11</sup> Становление в стране этого государственного и общественного института было существенно заторможено после убийства Александра II. Кроме того, — и мысль эта представляется важной, — феномен частной собственности, как отмечает перуанский экономист Эрнандо де Сото, присутствует в общественном сознании не столько как осознание ее материальных носителей, но прежде всего как работающая система законов и социальных норм, т. е. в изменившемся «качестве человека».

<sup>12</sup> Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2012. С. 61.

у СССР не возник общий враг — германский фашизм, «дружба» держалась на том, что недавнее насильственное присоединение с сопутствующими репрессиями было «забыто»<sup>13</sup>, а позитивные помыслы усилиями идеологов и политических пропагандистов обращены в сторону обещанного «светлого завтра». Базовыми субъектами проектируемой формы государства-империи стали «член КПСС» и «советский работник», а основой — коммунистическая идеология. И хотя своей конечной целью они провозглашали «всеобщее благо по потребностям», но в реальности обеспечивали лишь примерно равное сосуществование на грани нищеты всех народов, которые в общей узде с опорой на репрессивные органы держала советская интернациональная «элита».

Политический и экономический крах российской империи, а затем СССР, и, напротив, успешное развитие национальных государств в Европе и США убедили многих, что верный исторический выбор основания и субъекта национального государства — не этнический, религиозный или идеологический элементы, которые живы лишь благодаря ничем не ограниченной воле монарха, генерального секретаря или усилиям аппарата, а свободный предприниматель и верховенство права. Этот вывод объясняет феномен крушения советской сверхдержавы и ставит перед ее наследниками неизбежные вопросы: «Сколько еще?» и «Что дальше?»

В размышлениях на этот счет, к сожалению, не всегда принимается во внимание, что построение национального государства в современной России невозможно не только с «чистого листа» или как продолжение российской империи, но обречено происходить на руинах империи советской, которую, в свою очередь, также пытались созидать на разрушенном. При этом под термином «руины» прежде всего нужно понимать руинированное общественное сознание — тоже своего рода «микс» из подлинных, фальшивых и мифических ценностей и смыслов всех периодов истории — от

---

<sup>13</sup> О том, насколько что-то «забыто» в содержании советской «дружбы», можно судить, если поразмыслить, к примеру, над следующими двумя фактами из политики коллективизации. В своей реализации она была столь «дружественна» по отношению к разноплеменным народам, что в восстаниях против нее участвовало свыше миллиона крестьян, для подавления которых в некоторых регионах «родная» Красная армия использовала танки и авиацию. В то же время, советская власть, рассчитав, что казахи и башкиры, эти исконно скотоводческие народы, потребляют мяса в несколько раз больше, чем «средний» житель русского Нечерноземья, «лишний» скот у них отняла, что привело к вымиранию от голода до половины тех и других. Оставшимся было предложено «дружить». Подробнее на эту тему см., например: Сыдыков Е. Шакарим. М., 2012.

племенного строя до капитализма. Кроме того, семидесятилетний исторический период не только не внес чего-то нового в решение проблемы национального государства, но, напротив, продолжил консервацию и усугубление предшествующих исторических ошибок. И хотя со времени крушения СССР минуло более двадцати лет, однако авторитаризм, недоразвитие института собственности, игнорирование или манипулирование правом сохраняются до нынешнего дня и по-прежнему создают тот негативный фон, который следует учитывать, говоря о создании национального государства в сегодняшней России.

Но почему, спрашивают иногда, нашей стране нельзя «перепрыгнуть» стадию национального государства, тем более что Европа — извечный отечественный ориентир — кажется начала переход к какой-то новой форме, следующей за национальным государством? Оставляя в стороне вопрос о существовании новоевропейского интегративного образования<sup>14</sup>, поиски которого только начались, отмечу принципиально важное. Главные задачи, решаемые национальным государством — утверждение свободного предпринимателя-гражданина в качестве его основного субъекта, укрепление права как основы жизнедеятельности граждан и повышение уровня культуры есть то, без чего цивилизованное развитие невозможно. При этом применительно к России особо следует сказать о дилемме «частная — общественная собственность», имеющей принципиальную важность<sup>15</sup>.

---

<sup>14</sup> Думаю, что любые, предпринимаемые европейцами поиски новых форм для содружества национальных государств не отменяют главного — их государства по-прежнему остаются «государствами граждан», т. е. их существование поддерживается политическими отношениями народа, не отдавшего свой суверенитет на откуп власти, а, напротив, все активнее использующего его для усовершенствования и, насколько это возможно, ограничения государства в качестве общественного инструмента. Дистанция между нами в этом отношении определяется легко: естественный и злободневный для россиян вопрос, кто кому служит: государство — обществу или общество — государству во многих странах Европы воспримут как симптом умственного расстройства.

<sup>15</sup> Конечно, частная собственность в XVIII и в начале XXI столетий — вещи принципиально разные и обсуждать проблему ее укоренения в современной России как некой абстракции ошибочно. Б. Г. Капустин, знакомясь с моей рукописью, указал на сложную природу, характерную для феномена частной собственности сегодня: «А если вроде бы частная собственность, как, скажем, “Дженерал Моторс” или “Голдмен Сакс”, вообще была бы уничтожена без патронажа государства и безумных вливаний денег налогоплательщиков, как то было в последний финансовый кризис, она остаётся “частной собственностью”? Ведь в том и дело, что так называемые дотационность и отсутствие “финансовой дисциплины” — грехи, за которые клеймили “реальный социализм”, стали *нормой жизни* вроде бы “свободных экономик”, без которой тут же развалятся её столпы (и развалились

Зародившаяся в родо-племенном строе общественная собственность (в марксистской лексике — «первобытный коммунизм»), за некоторыми исключениями, в общественной истории перестала быть доминирующей формой. Попытка ее искусственной реинкарнации, предпринятая в СССР и отчасти навязанная нашей страной «социалистическому лагерю» в качестве господствующей формы, к настоящему времени везде продемонстрировала свою несостоятельность и, кроме нескольких вяло деградирующих стран с диктаторскими режимами во главе, отвергнута как негодная. Что же до рассматриваемого опыта строительства национальных государств, то названная дилемма, за исключением редких теоретических споров, всерьез при их строительстве никогда не рассматривалась. Это объяснялось тем, что без частной собственности нет и свободного предпринимателя, как нет и правового механизма, делающего существование национального государства возможным. В противном случае, на стадии формирования национального государства, при установлении собственности общественной или государственной, развитие стопорится, поскольку возникает необходимость в ее персонифицированном представителе (монархе, партийном секретаре, национальном лидере). А персоне, стоящей над всеми, право как регулятор свободы не нужно, поскольку исключает его самовластье, что, в свою очередь, делает невозможным и возникновение нации в качестве политического и культурного сообщества граждан<sup>16</sup>.

---

бы уже в 2008 году)». «Абсолютизацию частной собственности» в рукописи статьи увидел и М. Б. Ходорковский. Он справедливо отметил, что «в сегодняшнем мире роль собственности общественной (акционерные общества в части не акций, а их имущества) и собственности государственной (неиспользуемые в хозяйственной деятельности территории: реки, озера, национальные парки...) весьма велика». На оба эти замечания отвечаю, что мы говорим о разных предметах: о национальном государстве в его развитой форме и об историческом этапе его становления. Мне кажется, что в отличие от развитой формы национального государства, на этапе его становления роль частной собственности значительно более существенна. В дальнейшем, вероятно, как роль частной собственности, так и ее доля (часть) в общественном укладе в сравнении с другими видами собственности сокращается. Поэтому, соглашаясь как с фактом эволюции частной собственности, так и с несомненным фактом наличия собственности в общественных и государственных формах, повторю тематика статьи затрагивает много фундаментальных вопросов, каждый из которых требует специального рассмотрения.

<sup>16</sup> Прецедент уничтожения собственности и гражданства в СССР на примере аграрной политики большевиков мной был рассмотрен в книге «Власть и земля. Хроника утверждения бюрократии в деревне после Октября». М., 1990.

Государство, реализующее свою гегемонию посредством узурпации собственности или права ее распределения внутри самого себя и приближенного к верховному правителю круга лиц, то есть неправовым путем, убивает не только право. Оно убивает нацию или, как в случае современной России, не дает ей родиться.

\* \* \*

Рассуждения о появлении в истории «нового», об индивидуальном и коллективном субъекте перемен, о монархии и империи и приходящем им на смену национальном государстве понадобились для того, чтобы подойти к важному предмету рассмотрения. В последнее десятилетие власти России все больше ориентируют развитие государственности в попятном направлении — восстановления квази-монархии или даже империи. Однако исходя из природно-географических особенностей, современного демографического, религиозно-конфессионального, образовательного и квалификационного состава населения, равно как и присущих стране социальных, политических и экономических проблем, этот откат, если произойдет, будет губительным. Общество может прогрессировать только от более простого устройства к более сложному, от меньших степеней свободы — к большим, от худшего качества «человеческого капитала» и «качества жизни» — к лучшему. Любое попятное движение, снижение уровня развитости — деградация и разрушение. Существующую в России неоднородность экономического состояния регионов, разные ступени социального, политического и культурного развития их населения помноженные на прямо противоположные тренды их сегодняшних цивилизационных ориентаций (от патерналистски-феодалных до самодетельно-демократических) нельзя «стабилизировать» и «равнять» путем возврата ушедших вперед к отставшим. Можно только создавать условия для «подъема» вторых к первым. Если же посредством политических ухищрений стараться затормозить процесс развития или пытаться повернуть его вспять, то из этого, скорее всего, ничего не получится: удержать вместе «лебедя, рака и щуку» даже сильной рукой в режиме «ручного управления» невозможно. К тому же, при попытке возврата к квази-монархии или империи, исключаящей национально-демократическую государственность, одна из наиболее популярных и объединяющих общество задач — сохранение целостности страны — оказывается не выполнимой.

Вот почему, если какая-то часть правящего слоя окончательно не утратила инстинкта самосохранения, она должна активизировать (или, по крайней мере, не препятствовать активизации) те силы общества, которые могут остановить сползание в архаику и развернуть движение в либерально-демократическом направлении. И в этом случае без прохождения этапа национального государства России не обойтись.

Но в самом ли деле руководство страны пытается воссоздать квази-монархическое государство? Склонен предположить, что после крушения империи «СССР + страны социализма» с начала 2000-х такие попытки в той или иной форме предпринимаются, хотя объективные условия и определяют их заведомо меньший масштаб. Крушение советского государства, названное «величайшей геополитической катастрофой XX века», указывает не только на то, что исторический прогресс по-прежнему толкуется исключительно в категориях капитализма XIX столетия как расширение, укрупнение и усиление, но и обнаруживает желанную имперскую цель, частично достигнутую в СССР. О том, что такое предположение не беспочвенно, свидетельствуют очевидные тренды в нашей внутренней политике. Что имеется ввиду?

Прежде всего, в стране искусственно заторможен процесс легитимного становления института частной собственности в случае, когда это касается масс, «низов». Так, после попыток проведения реформаторской аграрной политики начала 90-х годов для фермеров и населения нет подвижек в решении вопроса о собственности на земли сельскохозяйственного назначения. Усилиями законодательной и исполнительной власти, включая ее силовое крыло, задавлено малое и среднее предпринимательство. В дополнение к заведомо неполному и несовершенному законодательству об имущественных правах государственный аппарат на местах с молчаливого согласия «верха» работает прежде всего на себя, руководствуясь правилом: ничто не должно пройти мимо наших рук. Аппарат исполнительной власти регионов по-прежнему существует по российскому имперскому принципу кормления за счет богатств подведомственной территории и населяющих ее «подданных», выказывая намерение обрести наследственные и даже династические черты. Жены, дети, родственники разного рода начальников составляют квази-дворянские кланы, которым, на известных условиях, центральная власть «дает жить». Однако, если в европейских империях двести лет назад между феодалом и королем существовали договорные отношения, из которых выросло право, то у нас, в продолжение самодержавной традиции, санкционированное властью благополучное

существование «мещан во дворянстве» не в последнюю очередь зависит от размеров поставляемого ими «ясака» и личной преданности, что, само собой, в любой момент «верхом» может быть пересмотрено. Судебно-прокурорские и полицейские институты при этом либо обслуживают власть, либо работают на криминал, либо стоят в стороне.

Вместе с тем, укрепление частной собственности всячески поощряется для тех, кто с верховными правителями дружен или им «социально близок». Не в логике экономического развития, а в логике их личных интересов, например, крупнейшие компании страны из частных превращаются в государственные, чтобы после того как будут накачаны бюджетными средствами, снова стать частными. Впрочем, примеры и технологии обогащения в данном случае не важны, тем более что их число прогрессивно множится благодаря хваленой «оригинальности русского ума». Для подтверждения мысли о монархической ориентации власти имеет значение и принцип ее устройства: ничем не ограниченная воля первых лиц с имитацией посредством карманных политических партий народного суверенитета.

Квази-монархия, далее, не может существовать при наличии граждан (гражданского общества) и отсутствии подданных. О государственной политике последнего десятилетия в отношении независимых общественных образований — институтов гражданского общества, о разного рода преследованиях негосударственных организаций и отдельных людей, равно как и о юридическом давлении на них известно более чем достаточно. Соответствующие критические оценки состояния прав и свобод человека в современной России регулярно даются международными организациями. Непредвзятому наблюдателю очевидно: граждане — сознательные обладатели политических прав и свобод — для современного российского государства персоны нежелательные или даже вредные. Власти, ставящей цель вновь превратить страну в монархию, напротив, требуется покорное население — подданные.

Сходная картина с положением суда. Даже в сравнении с 90-ми годами XX века, когда имели место небезуспешные попытки утвердить судебно-правовую систему с подобающей ей независимостью и функциями, в последнее десятилетие это движение также повернуто вспять. Вольно или под давлением, но суд роль стража законов и независимого арбитра в разрешении споров не исполняет. От процесса к процессу все более явным делается факт его превращения в механический инструмент материализации властной воли, санкционирования определенных властью репрессий, в том числе — направленных против проявлений гражданственности.

Кстати, и сделанное 24 сентября 2011 года столь подогревшее настроения гражданского общества историческое заявление тогдашнего Президента России накануне выборов о том, что он и Председатель правительства «договорились» оставаться у власти, также вполне отвечает монархическому принципу договорного правления. Очевидно, что нынешний акт удержания власти если и имеет под собой лукаво истолкованное правовое основание, то с точки зрения проснувшегося либерального самосознания активной части общества именно с нравственной точки зрения выглядит вполне варварским. Этими гражданами существо и форма «рокировки» были восприняты не иначе как беззастенчивое публичное оскорбление, а также личное поражение в части прав — праве избирательном.

Впрочем, надо признать, что удержание власти обеспечивается не только «административным ресурсом» и прямыми фальсификациями во время выборов. В немалой степени оно санкционируется и чуждой рациональных мотиваций волей большинства населения-подданных, которые в назначенное время играют роль статистов-избирателей<sup>17</sup>. Это, согласно социологическим исследованиям, либо наименее образованная, наименее культурная и квалифицированная часть общества, либо те, кто живет немным трудом на государство, не обладает сам и не стремится быть причастным к обладанию средствами производства, не имеет политических интересов, не нуждается в праве и руководствуется только одним правилом (правом) — не вызвать недовольства начальника-сюзерена, за что ждет от него ответной «милости» — повышения уровня «прожиточного минимума» и иных снисхождений подобного рода.

Для того, чтобы увеличить «электоральную основу» в своем нисходящем движении к квази-монархии в экономической сфере власть в последнее десятилетие сделала немало. В сравнении с 90-ми годами прошлого века существенно увеличена доля государственной собственности и, соответственно, число занятых в этом секторе бюджетников. При постыдно малом финансировании образования, науки и культуры, без которых невозможны цивилизационные преобразования и рост демократически

---

<sup>17</sup> В этой связи хотел бы обратить внимание на заслуживающее специального обсуждения исследование английского ученого Брайана Каплана «Миф о рациональном избирателе. Почему демократии выбирают плохую политику» (М., 2012). Одна из главных критических мыслей исследователя о европейском избирателе такова: «... избиратели не просто невежественны, они, можно сказать, *иррациональны* — и голосуют соответствующим образом. ... В реальных политических условиях люди будут ... считать верным то, что им хочется считать таковым». Каплан Б. Указ. соч. С. 15, 36–37.

(антимонархически) настроенной части общества, огромная доля государственного бюджета тратится на двукратно выросший со времен СССР и по-прежнему плохо работающий государственный аппарат, его не поддающиеся реформам силовые органы, далеко не всегда конкурентоспособное вооружение и не слишком боеготовую армию. «Государствозависимый статус» этих категорий населения, отсутствие у них активных правовых и политических отношений, равно как и нежелание их обрести, делает их гражданственность проблематичной.

Могу ошибиться, но похоже, что отвечать на вопрос, предпринимает ли руководство страны попытку воссоздания государства «в стиле монархии», к сожалению, придется утвердительно. Независимо от субъективных намерений, объективно власть не только не разрушает остаточные элементы традиционного российского самодержавно-феодалного устройства, но усердно их воссоздает. В воздухе ощутим аромат призыва «Вперед, к самодержавию!» или «Назад, к СССР!» В обоих вариантах торжествует варвар.

\* \* \*

Но что же та часть общества, которая, так и не став полноценными гражданами, вновь должна обратиться в подданных при проектируемой квази-монархии? На недавние уличные волеизъявления «рассерженных горожан» власть ожидаемо ответила не только репрессиями, но и административной мобилизацией своих сторонников. Однако уже то, что в одном случае люди выступили по свободной воле (при этом не важно, куда — на Болотную или Поклонную), а в другом — по повелению или за плату, четко обозначило модель желаемого будущего государства, границу между гражданами и подданными. Случившееся также еще раз показало, на какой социальный тип власть опирается и какое государство хочет воссоздать.

В ситуации, когда дело доходит до прямого властно-партийного рекрутирования людей за воссоздание архаичной формы государственной и общественной жизни, тем, кто имеет ум и силы противиться происходящему, следует подумать об эффективных формах несогласия. Какую цель в современной ситуации им стоит избрать? С чего начинать? Думаю, что и в этой связи на первый план выступает все та же задача построения национального государства. Однако здесь требуется работа, в выполнении которой без субъекта строительства, кровно в ней заинтересованного, не обойтись. Полагать таковым «строителем» в современных условиях

классического «свободного предпринимателя» вряд ли верно. По прошествии многих десятилетий почва для формирования национального государства существенно изменились.

Нельзя сказать, что тема субъекта строительства национального (гражданского) государства лежит вовсе вне поля внимания исследователей-гуманитариев. Один из сравнительно недавних примеров — статья М. Урнова в «НГ — Сценариях» о либерализме, в которой справедливо говорится что главная проблема русского человека — «тюрьма в голове», а «полноценная либерализация невозможна без направленных усилий по преодолению старых, укоренившихся в культуре ценностей». На ключевой вопрос «Кто этим будет заниматься?» дается ответ: «Вольнодумцев, готовых стать разносчиками либерализма, относительно немного, но они есть. В первую очередь среди научной и художественной интеллигенции. ... Возвращение либеральных ценностей — дело деликатное»<sup>18</sup>.

Сделанный вывод, на мой взгляд, не слишком обнадеживает. Надежда всего лишь на «вольнодумца». Но он явление ветреное, от «воли», «вольницы», «ветра в поле» производное. И сегодня он думает «про то», завтра — «про это», а там, глядишь, и вовсе думать перестанет. Такими героями полна русская классика и ее диагноз вряд ли устарел. Но неужели это единственный видимый сегодня персонаж, с которым можно было бы связать надежды на общественное развитие?

Коллективным субъектом строительства гражданского национального государства, на мой взгляд, сегодня могут и уже начинают выступать те, кого следовало бы называть «новой элитой» — лучшими. Что имеется ввиду? В каждой социальной и профессиональной группе есть эффективные люди, которые о самих себе говорят как о «нормальных», что, с поправкой на скромность, означает знающих, ответственных, энергичных, честно делающих свое дело. Именно они, материализуя свойственное им желание — отрицать среди сущего «плохое» и утверждать «лучшее в качестве должного» — могли бы стать коллективным субъектом строительства новой стадии российского государства — государства национального<sup>19</sup>. Не

<sup>18</sup> Урнов М. Это сладкое слово «система». Самая страшная тюрьма — та, что у нас в головах // «НГ — Сценарии» 29.05.12. С. 12.

<sup>19</sup> В этой связи вновь упомяну о начальной стадии создания национального государства во Франции: «Французская революция не была совершена какой-либо сформировавшейся партией или движением в современном понимании этого слова, людьми, старавшимися осуществить какую-либо последовательную программу. ... Тем не менее, потрясающее единообразие главных идей среди довольно связанных социальных групп придало

думаю, что было бы ошибкой указать и на то, что аналогичный абстрактный субъект активности при запуске процесса радикальных аграрных реформ в России видел П. А. Столыпин, когда он говорил, что в политике будет ориентироваться «не на пьяных и слабых, а на трезвых и сильных». Метафора премьер-министра не смущала, а успешно начатое им реальное реформационное движение подтвердило, что понятная обществу абстракция вовсе не помеха.

Но обладает ли эта элита самосознанием, достаточным для активного действия? Иными словами, вновь возвращаясь к теме появления в обществе «нового», насколько она готова прервать вялотекущий процесс «стабильности-деградации», который под управлением властных «псевдо-элит» возобладавал в современной России? Повторюсь: первые признаки пробуждения самосознания «новых элит — лучших людей» мы увидели в выступлениях «рассерженных горожан», на плакатах которых, кстати, были довольно абстрактные лозунги «Хватит врать!» и «Долой воров!». Но насколько их идеалы, ценности, стандарты деятельности и поведения готовы воспринимать другие члены их профессиональных групп, а так же иных социальных слоев? Очевидно, в зависимости от ответа на этот вопрос потребуются тот или иной характер социальной работы и активности как внутри «новых элит», так и этого коллективного субъекта с иными слоями общества<sup>20</sup>.

Думаю, что ясного ответа на эти вопросы пока нет. Однако понятны две вещи. Первая: сидеть и ждать, пока новые элиты себя самоосознают и обнаружат, не стоит. Если у какой-то части общества есть понимание необходимости начинать работать, то это и есть достаточный сигнал именно

---

революционному движению действенное единство. Это была группа “буржуазии”: они восприняли идеи классического либерализма, сформулированные философами и экономистами и распространяемые франкмасонами и неформальными объединениями. Исходя из этого “философы” справедливо могут быть названы ответственными за революцию». Хобсбаум Э. Цит. соч. С. 87. Философы формулировали не пункты программ, а довольно абстрактные тезисы, но именно они «овладели массами».

<sup>20</sup> Похожая просветительно-культурная работа в России велась в начале XX в., когда озабоченные проблемой «окультуривания» русской деревни в нее шли ученые-кооператоры и общественные деятели, заботясь не только о продвижении передовых сельскохозяйственных знаний и технологий, но и ставя цель цивилизационного подъема народной жизни. Очень скоро, уже к началу 1917 года, до 75% крестьянских дворов России были вовлечены в разные формы кооперации, «охвачены» просветительской деятельностью. Не удивительно, что после прихода к власти большевиков именно кооператоры и кооперация как массовое проявление гражданского общества были определены Лениным «врагом № 1» и в период политики «военного коммунизма» первыми подверглись уничтожению.

для начала действий. Тем более, что очевидно: только длительная, проводимая не только интеллигенцией, а «верхними» слоями социальных групп «культурническая» и политическая работа приведут к рождению нации, сформируют у членов общественных групп устойчивые привычки эффективно и добросовестно делать свое дело, думать и поступать не «под давлением производимых властями обстоятельств», сиюминутных выгод, но так, как «должно». При этом начинать этот процесс (который в перспективе может вылиться в общественное «культурное движение», у которого слово не будет расходиться с делом) следует как индивидуально, так и в группах, независимо от географии, профессии, возраста. В последнем случае, конечно, это должно быть включено в существующие воспитательные и образовательные механизмы, так что без участия государства здесь не обойтись.

Конечно, одна из ведущих ролей в этом «деликатном деле» должна принадлежать наиболее активным и ответственным людям из среды научной и художественной интеллигенции. Именно они ближе всего «находятся» и лучше всего могут транслировать социуму «должное»: смыслы и ценности, образы и образцы культуры, стандарты поведения, взятые из великой отечественной истории, русской классической литературы, современности, значимых общественных примеров и личного опыта. В то же время без формирования ответственной политической элиты, которая формируется выходцами из среды политических и промышленных управленцев, предпринимателей, сообществ правоведов, правозащитников и правоприменителей, военных, так называемых «силовики» и др. также не обойтись. В конечном счете это связывается и с проблемой построения многопартийной политической системы, в рамках которой новые элиты также получили бы простор для своего развития. И даже если в начале этой работы окажется, что слой «лучших» слишком тонок, то это не должно пугать или ставить под сомнение саму задачу. Просто начинать придется с его (этого слоя) расширения, что, в сущности, и будет первыми шагами в строительстве развитого гражданского общества и национального (гражданского) государства.

\* \* \*

В связи со сказанным о новой элите неизбежно встанет вопрос об отношении к «культурной работе» со стороны российской государственной власти, состоящей из «элит по должности» и «псевдо-элит». Дело не

только в том, что участники «культурного движения» должны оставаться в рамках действующих в государстве законов. Важнее вопрос: можно ли со стороны государства и части чиновничества, входящего в состав этих «элит», рассчитывать на «встречное движение» или с их стороны будет лишь противодействие?

Конечно, не существует рациональных оснований, ссылая на которые позволила бы препятствовать «культурной работе». Однако не стоит забывать, что активизация в стране процесса движения к либеральному правовому государству и гражданскому обществу объективно поведет и к изменению состава властвующих элит. А власть, как известно, добровольно не отдают. Поэтому тем, кто будет занят «культурным движением», с самого начала важно понимать: нынешняя власть — это тоже наши соотечественники, ценности и привычки которых нуждаются в корректировке, которые «всего лишь» по-своему понимают свободу и порядок, и ошибка которых, говоря предельно общо, состоит в том, что когда они думают о себе, о других и о России, то не верно расставляют приоритеты. Удастся ли их понудить к ответственному исполнению властных функций и для начала переубедить установить иную последовательность в приоритетах — вопрос не простой, но не попробовать, по крайней мере, нельзя.

В заключение повторю: эволюция российской государственности в форму национального государства в современных условиях возможна и необходима. От размышлений «новой элите» нужно переходить к просвещению, популяризации и практическим действиям. Будет ли это делаться совместно с властью в формах ее «принуждения к прогрессу» или в одиночку, — не важно. Конструктивная цивилизационная работа должна быть выполнена или в России воцарится варвар.

